

Интервьюер: Здравствуйте.

Респондент: Здравствуйте.

Интервьюер: Пожалуйста, назовите себя. Фамилию, имя, отчество.

Респондент: Гертруда Абрамовна Мостовая.

Интервьюер: Когда Вы родились и где?

Респондент: В тысяча девятьсот двадцать девятом году.

Интервьюер: Где?

Респондент: Тридцатого марта в городе Хабаровске. Бывшем СССР.

Интервьюер: Нас интересует история второй мировой войны. В частности нас интересует конкретный вопрос — это как оккупанты относились к местному гражданскому населению. И поэтому, Вы во время войны, где находились?

Респондент: Я находилась в Умани.

Интервьюер: В Умани, да? Вот, пожалуйста, Умань была оккупирована немцами, и поэтому я хотел бы с момента, когда они вошли, и всё, что Вы видели своими глазами, Вы бы нам рассказали, что происходило в городе Умань.

Респондент: В сорок первом году пришли немцы. Ну, и начались сразу облавы, расстрелы. Колоннами людей забирали — евреев особенно в первую очередь. Ну, вели — по несколько кварталов длиной эти были колонны евреев — на расстрел. Вели за город, балки всякие. Детей маленьких из роддомов бросали, как пленница в машины, и отвозили за Умань и закапывали живьём. В общем, облавы были страшные. Ловили на улице, ловили дома. И я попала в гетто, потому что соседка выдала меня. Потому что родственники папины — мама русская, а папа еврей. И соседка знала, что у меня папа еврей. А ко мне в это время прибежала племянница папина, и соседка выдала меня. Меня и эту соседку захватили. Соседку убили около дома пионеров — можно сказать, растерзали её. А меня полицей — особенно они выслуживались перед немцами — схватил меня за руку и он говорит «жидёнок». И в машину. Отвёз меня в гетто, которое находилось около рынка. Когда туда, в машине, конечно, я была не одна. Там было уже несколько человек. И, когда меня толкнули в ворота, там стояла женщина с двумя мальчиками. Она меня обняла. Я плакала, говорю: «мне надо домой» Полицей меня ещё раз толкнул, по спине там ударил — замолчи, значит. Выругался нецензурными словами. А эта женщина меня обняла, а мальчики её — стоял Миша такой моего же возраста и говорит: «Успокойся. Мы всё равно сбежим» Ну, что — в гетто, где я спала, я могу сказать. Мы спали на полу. Какой-то барак был, грязь. Я даже не помню, что я там кушала. Вообще ела ли я даже сейчас, честно говорю, не помню. Полицаи издевались над девушками, кричали пьяные: «Вы всё равно здесь для уничтожения» И если появлялся где-то какой-то немец, так они вообще.

Старика, я помню, постоянно колени в грязь и кричит: «Извиняйся! За что извиняться? За то, что ты жид» В общем, он его в этой грязи убил. Так я пробыла неделю в гетто. И во время, когда

The original transcript was prepared by a volunteer translator. The transcript is the primary source document, and this translation has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

кричали, палками били. И в это время мне Миша шепнул, этот мальчик, мол «пора бежать» Это в противоположную сторону ворот, в другой угол этого лагеря небольшого. И мы пролезли под проволоку и там по переулку через рынок. И я прибежала домой. Ну, и с тех пор я в подвале пряталась всё время. Всю зиму просидела тоже в подвале. Ну, что ещё — людей очень много уничтожили, очень много уничтожили. Даже самое жалкое, что у нас там был один Люся Прозор. Он был немножко ума лишённый и его убили. Все его любили, весь город любил просто. Он никогда никому вреда не делал. Ну, какие похороны или какая свадьба – где он был, он всегда участвовал. И он жил со старенькой-старенькой старушкой, своей мамочкой. И немец его пристрелил. После этого немцы этого уже, я не знаю, но сказали, что его тоже нашего убили из-за этого еврея.

Интервьюер: Хорошо. Я тогда спрошу Вас кое-что по этому поводу. Давайте с последнего начнём. Он пристрелил этого еврея — почему он его пристрелил, Вы не знаете?

Респондент: Почему, вы понимаете, стоит об этом говорить. Он обратился к этому Люсе Прозору: «Найди мне девушку» А он говорит: «Самая красивая женщина, самая красивая девушка — это у меня, - говорит, - дома» И привёл немца к маме своей. Она старенькая. Там и всё, и вот он его за это убил.

Интервьюер: Откуда Вы знаете? Вы видели, как он его застрелил?

Респондент: Нет, я не видела, но мы все ходили туда и это соседи видели и рассказывали. Это точно.

Интервьюер: Я хочу вернуться именно к тому, что Вы видели. С самого начала Вы сказали, что начинались облавы.

Респондент: Облавы с--

Интервьюер: Вот эти облавы, которые были, они касались еврейского населения или вообще гражданского населения?

Респондент: Не, сначала были все евреи. Евреев сначала.

Интервьюер: Как проходили эти облавы? Что Вы видели? Вы видели их?

Респондент: Ну, а как же?! Облавы?

Интервьюер: да.

Респондент: а как же?!

Интервьюер: Расскажите, как это происходило?

Респондент: Они там несколько человек. В основном они посылали полицаев. Полицаев. А полицаи — местные жители. Знают, где кто живёт.

Интервьюер: Так
The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Респондент: И приходили и забирали.

Интервьюер: На Ваших глазах?

Респондент: Да, в колонны. Приходили по этим квартирам, забирали прямо в колонну.

Интервьюер: На Ваших глазах Вы видели, как входили в квартиры или выводили?

Респондент: да. Да, да. Ко мне же тоже забежал. Пришёл полицаи и схватил меня на эту самую биржу прац и отвёл туда. Сначала это, а потом... оттуда мы тоже сбежали. А потом я в гетто попала. Потому что это было сначала. А потом в гетто попала. А потом я уже пряталась. Но колонны я видела сама.

Интервьюер: Эти колонны, когда шли--

Респондент: Людей очень много было. По восемь, по десять человек в ряду. И колонны чуть ли не на два квартала, три квартала гнали людей. И женщин, и детей, и стариков. Всех подряд.

Интервьюер: Вы видели эти колонны?

Респондент: Я сама видела. Я сама видела.

Интервьюер: Близко?

Респондент: Понимаете в чём дело, я даже – сосед, сосед другой из нашего дома, то с другой стороны дома жил Радзиевский такой. У него дочка была. И он предложил моей, значит, бабушке это нас отвезти на Баштан за тридцать километров за Умань, чтобы спрятаться, чтоб, ну, не убили, не забрали и всё такое. И он нас туда отвёз. Я пробыла там две недели. Не выдержала и оттуда пошла пешком домой сама. Когда я шла, к Умани подходила, там мост, а с левой стороны огромный овраг был. И к мосту подходила колонна. Полицаи вели. В основном полицаи. Там несколько два, три немца, а в основном полицаи. И одна женщина еврейка, значит, подозвала меня к себе женщина и говорит: «передай вот эту записку» Ко мне обратилась. Я, когда руку протянула, а меня один полицаи толкнул в эту колонну. А второй стоит и говорит: «Она не из колонны. Она шла навстречу» Так вот благодаря тому полицейскому, меня вышвырнули из колонны. Но записку я потеряла эту, когда меня толкали. И, когда я уже прошла какой-то промежуток времени, там шла, то услышала уже потом за этим мостом в этих оврагах расстрел. Расстрел, расстреливали их.

Интервьюер: Почему Вы знаете, что расстреливали?

Респондент: Потому что на следующий же день уже мне рассказала женщина, которая у неё жила, пряталась одна еврейка и её забрали. И прибежала её племянница какая, или родственница, и говорит: «Отвезли» Говорит: «Отвели их туда за этот мост и всех расстреляли»

Интервьюер: Вы от этого расстрела, какие впечатления есть у Вас личные?

Респондент: Ой
The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Интервьюер: Вы слышали выстрелы?

Респондент: Я слышала.

Интервьюер: Видеть Вы не видели что-нибудь?

Респондент: Нет. Я уже прошла под мост. За мост зашла и, когда их туда завели, то я услышала выстрелы. Потом ещё момент. Я думаю, вам самое простое скажу. Я, ну мы все в таком возрасте были в двенадцать лет — где нам только, где мы только не лазали. И... как вам объяснить. Когда на Звенигородское предместье идти, там есть мост. Ну, раньше он был побольше. Сейчас он маленький, я была. И мы должны были пройти к театру, но увидели машину немецкую. Около двора одного стояла. Мы забежали в этот двор. Ну, посмотреть нам же везде надо было. И лежал в квартире старик на кровати. Две женщины с помощью немца вытащили из под него простыни. Ну, набрали там. Всё набирали. И немец этого старика говорит: «Вставай. В колонну надо тебя отвести» А он встать уже не мог. Он его пристрелил прямо в кровати.

Интервьюер: Вы это видели?

Респондент: Я — да. И, когда он--

Интервьюер: при Вас эта сцена происходила?

Респондент: да. Да, да. Ну, мне ж везде надо. И я, когда это увидела, я побежала через двор. Меня собака как раз укусила за ногу, но немец завязал. Немец мне ногу завя(зал).

Интервьюер: тот же самый немец?

Респондент: Нет, другой.

Интервьюер: А, другой?

Респондент: Другой. Там же во дворе.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Вот, и я вот это прибежала домой уже с окровавленной ногой.

Интервьюер: Вы этих женщин, которые выдёргивали, знали?

Респондент: Я их не знала. Не знала.

Интервьюер: Имя?

Респондент: Нет.

Интервьюер: Нет, не знаете?

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Респондент: Нет, я их не знала.

Интервьюер: Это происходило когда? Вот тогда, когда были ещё облавы?

Респондент: Да, да. Это всё были облавы. Соседей наших забрали немцы. Не немцы, а полицаи. Тоже в колонну. Тоже все в колонну.

Интервьюер: И Вы это видели, как забирали?

Респондент: Да, это я видела. Это я видела. Я пряталась, потому что соседка знала, что у меня отец еврей.

Интервьюер: Ага.

Респондент: И я пряталась. У нас во дворе был — ну, как вам сказать — погреб. Прямо во дворе.

Интервьюер: Так.

Респондент: И я в этом погребе пробыла почти весь год.

Интервьюер: А вот эти случаи, когда Вы что-то видели, это Вы выходили из погреба?

Респондент: Я ночью выходила, когда тишина была. После того, когда я увидела все эти расстрелы и эти колонны.

Интервьюер: Ага, ага.

Респондент: вот это я, после этого, когда увидела этих, когда меня уже в колонну хотели толкнуть, и выскочила — я прибежала домой. Ужасно было.

Интервьюер: Как Вы можете нам объяснить — вот эти колонны были из евреев? Как можно было определить, что это евреи?

Респондент: Полицаи знали всех.

Интервьюер: Нет, а Вы?

Респондент: Но в колонне-то идут люди. Евреев, знаю, что это евреев ведут там.

Интервьюер: Там были знакомые Ваши?

Респондент: Всю семью папину расстреляли.

Интервьюер: Нет, вот в колоннах Вы видели?

Респондент: В колоннах — нет. В колонне — нет. Их расстреляли в подвале. Даже не расстреляли, а газом. Через дорогу, где они жили, там целая семья у них была. Там

The following transcript is the result of a transcription of the original audio recording. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

полуподвальное помещение — там был соляная мастерская для учеников. Их туда всех загнали, забили двери и пустили газ туда. Вот это вот.

Интервьюер: Вы это видели?

Респондент: Я это не видела, но я знаю почему — я вот это побежала вот с этой вот племянницей. Она прибежала и говорит--

Интервьюер: да.

Респондент: --Всю семью забрали. Я с ней побежала во двор — во дворе никого не было. И тогда вот эту тётю Маня вот эта побежала уже как бы к дому пионеров.

Интервьюер: Ага.

Респондент: и полицей её толкнул вниз по лестнице.

Интервьюер: Но это Вы не видели?

Респондент: Да, я тут была.

Интервьюер: Вы это видели, когда он толкал её?

Респондент: Ну а как?! Я была же с ней рядом. Он её толкнул, она по лестнице упала и они начали её разрывать. И она стала кричать, я тоже стала кричать. Вот тут он меня схватил и в машину. Вот это я попала в гетто.

Интервьюер: Это момент, когда Вы попали в гетто?

Респондент: да.

Интервьюер: я хочу к нему вернуться.

Респондент: да.

Интервьюер: что значит — они её разрывали? Кто это — они? И что значит «разрывали»?

Респондент: Полицаи.

Интервьюер: Полицаи?

Респондент: Немцы стояли, наблюдали, хохотали. А полицаи разрывали её. Потому что двери были уже закрыты.

Интервьюер: Что значит «разрывали»?

Респондент: Ну, схватили за ноги в разные стороны. Она упала вниз лицом туда по лестнице, и

~~они её схватили за ноги и начали разрывать. Она начала кричать, и она начала кричать.~~
The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Интервьюер: Ну, да. Я понимаю.

Респондент: И вот он меня схватил тогда и говорит «вот ещё жидёнок ещё тут» И--

Интервьюер: И куда? В машину?

Респондент: В машину и в гетто.

Интервьюер: И Вас повезли в гетто, да?

Респондент: да.

Интервьюер: значит, вот Вы сказали, что в гетто издевались над девушками.

Респондент: да.

Интервьюер: там про то, что там происходило.

Респондент: Прямо в открытую.

Интервьюер: Что значит «издевались»? Насиловали?

Респондент: да.

Интервьюер: прямо тут же?

Респондент: да.

Интервьюер: при людях?

Респондент: Они говорят: «Всё равно вы здесь на уничтожение»

Интервьюер: это делали полицаи?

Респондент: да.

Интервьюер: а немцев?

Респондент: Немцы только стояли сбоку наблюдали.

Интервьюер: Ага. Вообще гетто охранялось?

Респондент: Да, охранялся.

Интервьюер: Там было ограждение?

Респондент: Такие полицаи

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Интервьюер: Проволока колючая?

Респондент: Проволока, да.

Интервьюер: Да?

Респондент: проволока.

Интервьюер: оттуда не разрешали выходить?

Респондент: Нет.

Интервьюер: Нет?

Респондент: Вот этот Миша, я говорю, подкоп сделал под проволоку в тот момент, когда--

Интервьюер: да, это я понимаю.

Респондент: --всё было внимание на ворота. Людей, когда забирали в машины, никто уже не возвращался.

Интервьюер: Когда людей-- Когда Вы были в гетто, там внутри, Вы говорили, что там ели? Или там был голод? Условия жизни самой.

Респондент: Да никакой. Был какой-то барак только. Я помню, что я спала на полу.

Интервьюер: На чём?

Респондент: На полу. Прямо на полу.

Интервьюер: Не на матрасе? На соломе?

Респондент: Какой там матрас? Никакого матраса не было.

Интервьюер: На тряпке?

Респондент: Никакой. Тряпка какая там? Мне вынесла тётя Хаюся, мать вот этих мальчиков--

Интервьюер: да, да, да.

Респондент: Она мне что-то подложила. Я даже не помню, что мы, что я ела. Даже не помню. Я всё время только плакала.

Интервьюер: Там были и больные? И старые?

Респондент: Да, там были все.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Интервьюер: Так, наверное, там были люди, которые--

Респондент: туда сгоняли для того, чтобы, если — ну, пункт сбора евреев. А потом оттуда вывозили на машине.

Интервьюер: Но когда, пока они там находились внутри, в гетто, там были умершие?

Респондент: Были.

Интервьюер: Вы видели?

Респондент: Были. Были старики.

Интервьюер: Вы видели трупы?

Респондент: Я сама видела.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Трупы видела, да. Эта тётя Хаюся мне ещё говорила: «Не подходи, бабушка умер. Не подходи, женщина умерла» ну, уже пожилые такие уже.

Интервьюер: Старики?

Респондент: Не выдерживали, да. Плачут, кричат все. Полицай подойдёт, изобьёт с матом.

Интервьюер: Что с этими трупами было? Как их убирали?

Респондент: Убирали. Заставляли евреев же тоже выносить. На машины вывозили тоже.

Интервьюер: Грузили на машины?

Респондент: да. да.

Интервьюер: Теперь я хотел вот что Вас попросить, значит. Вот эти колонны, которые шли, которые Вы видели, которые проходили--

Респондент: ой.

Интервьюер: там были падшие? В смысле, умершие люди? Трупы Вы видели при этом прохождение?

Респондент: Нет, трупов нет.

Интервьюер: Не было?

Респондент: Таких не видела.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Интервьюер: Ага. И теперь я хотел бы, чтоб Вы рассказали дальше свою судьбу. Значит, сколько Вы пробыли в гетто? Вы сами.

Респондент: Я была где-то неделю, приблизительно.

Интервьюер: Да, Вы сказали уже.

Респондент: да.

Интервьюер: не больше?

Респондент: Нет.

Интервьюер: Нет? Так, а потом куда Вы попали после гетто?

Респондент: Убежала вот это?

Интервьюер: Да, да. И дальше?

Респондент: Пряталась всё время. А в сорок втором году--

Интервьюер: так.

Респондент: В сорок втором году в августе месяце, значит, пришёл полицай. Это уже соседка опять меня увидела и полицая сказала, что я дома. Он пришёл меня забрал в эту, биржу праца там была. Нас туда сначала сгоняли. А оттуда собирали там людей — там привели меня в комнату. Там вот комната небольшая.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Сидел с свастикой немец, переводчик и врач. И писал одного мужчины. Раздели меня до пояса, спросили сколько лет. Я говорю: «тринадцать лет» Он так посмотрел, мол, вроде, а я была, ну, там есть фотография. Я более старше выглядела, чем тринадцать лет. И, а этот немец сидел с газетой, вроде читает. А потом я смотрела — он так этому махнул, мол «пойдёт»

Интервьюер: ага.

Респондент: Для работы. Ну и отвёл меня и ещё там несколько человек — нас отвели на вокзал. А там вдоль железного полотна, как напротив состава, был загон такой колючей проволокой. И вот когда они набирали вот это вдоль вот этого полотна напротив железнодорожного состава, тогда они наполняли товарные вагоны. Мы там трое суток просидели. Слава Богу, что была погода нормальная ещё. Вот, и бабушка прибежала — она была уже полупарализованная — и кричит: «Не забудь, что ты Зыкова! Не забудь, что ты Зыкова!» Потому что нельзя было Геленштейн. И она, значит — ну, короче говоря, она мне это сказала, принесла мне, бросила через проволоку ещё туфли. Я босиком была. И нас в вагон погрузили и отвезли в Германию. Привезли прямо в Шварцхаум на швейную фабрику. Там Курт Рильк нас привез — короче говоря, нас сначала привезли в Перемежль. Там была сортировка. В Перемежле нужно было,

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, and this transcript has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

только вагон вышел — всю туда для дезинфекции. А мы голые поднимались одна за другой наверх на второй этаж. И вот как площадка второго этажа между квартирами — с правой стороны квартира и с левой стороны же. Стояла посередине тумбочка и две полячки стояли. И они стояли сортировали кого туда, а кого сюда. Ну, и я попала в левую сторону. А там, знаете, как в банях кабины — ну, разделённые под душ. И там немец в белом кричит: «вши! Вши! Мыло! Мыло!» Значит — мыться с мылом, чтобы вшей не было. После этого мы спустились с другой стороны, отдали нам одежду, отсортировка уже прошла — я не знаю, куда те люди были, пошли. Потому что я знаю те, которые мы сюда попали, мы так и вышли. А этих — я не знаю, где они были. И потом нас вывели опять в колонну, и повели нас на вокзал. Повезли нас в Галле, уже в Германию. А в Германии выстроили уже всю колонну, кого привезли, и приехали туда фабриканты-заводчане, значит, покупать рабочую силу. Ну, вот таким образом я попала на швейную фабрику. Я была ещё с одной девушкой, с которой мы ехали в этом вагоне товарном как-то. Ну, вроде бы сплотились с ней. И я говорю: «давай поедем. Пойдем уже» Потому что они говорят там мужчинам на шахте — мужчины отказываются. Они насильно их забирали, в машины толкали. Вот, а женщинам предложили на швейную фабрику. Вот это Курт Рильк — мастер швейных дел, значит, отобрал нас пятьдесят человек. Я самая младшая была. И отвёз нас в Шварцхаузен. Ну, в Шварцхаузене мы же была... ну, общий стол такой был, конвейер. Машины швейные. Шили военные брюки. Ну, и начиная — мастер нас учил как шить с этими машинами — и начиная это начинала шить, как он мне показал с маленького карманчика вот этого часового, по-моему сзади, и так дальше, и так дальше, и так дальше. Вот. Но наши придумали девочки, чтобы эти брюки шли на фронт — на фронт прямо шли эти брюки, чтоб они распадались. И, значит, мы шили сверху нитку, а снизу нитки нету. Ну, так вроде бы держатся. Ну, и был контроль, конечно, и всё. Смотрят — вроде нормально, они целые. Вот, а потом... там Надя одна мне говорит: «знаешь, что нас, наверное, в концлагерь отправят. Потому что уже обнаружили, что брюки» И мы с ней сбежали. Мы с ней... мы с ней сбежали и попали в гетто. И мы, когда с ней шли, она говорит: «за нами уже» Ну, мы ж в одежде такой. Не как городские люди там. Вот, и она говорит: «за нами, - говорит, - идут. Нас уже заметили» Ну, и так получилось, что там квартал какой-то такой угловой был вот так вот. Она говорит: «ты иди по одной дороге, я – по другой» Мы с ней разошлись. Сверху там, когда сошлись, нас оттуда забрали и в подвал. Ну, избили. Пробыли мы там трое суток и этот Курт Рильк нас выкупил. Он забрал нас. Нашёл нас и забрал. Когда мы вернулись в лагерь, то двух девушек уже не было. Забрали их в концлагерь. Потому что, когда немцы пришли уже, комиссия над нами стояла, как мы шьём. Я я помню я шила и у меня на эти брюки упала огромнейшая шва. Он меня схватил и об машину головой. И кричит: «Вши!» Вши, значит. Ну, побил немножко, но что делать?! Перетерпели. Потом нас забрали в Зульх на оружейный завод. Там двенадцать часов работы — или ночью, или днём. Жили мы тоже в бараках. Как жмых, бочку с этими, со шпинатом привезут, откроют — а там полно червей. Я тридцать лет потом вермишель не ела. Хлеб давали жмых. Кусочек на три дня. И давали нам ещё галеты. Такие галеты — десять на десять, приблизительно, сантиметров. Эти галеты — ну, нам потом американцы сказали, что они были сделаны из — нам редко давали их, раз-два в неделю может быть. Эти галеты были сделаны для овчарок из муки человеческих костей. Вот, это считалось у нас деликатесы. Ну, на заводе меня сначала заставили около этого стоять — около стонка. Я его впервые увидела и один резец сломала. Четыре резца в общем короче я сломала. Мастер подошёл меня ударил этим же резцом по спине. У меня до сих пор шишка, наверное, на спине. Был сильный отёк, потом так она осталась небольшая. Но дотронуться — лучше не дотрагиваться. Так она меня не трогает. Вот. Насчёт еды что — у меня там образовалась язва желудка. Потом после этого резцов он меня послал ящики таскать с металлом. Я надорвала спину. У меня сейчас спинномозговая эта грыжа. Я пролежала там в кранц-бареке неделю. Мастер пришёл, говорит: «Увидит валить ся. Иди

The following transcript is the result of a record check. The reporting is the primary source document, not the transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

будешь штамповщицей» И я стала штамповать. Знаете, сидеть нельзя было. Надо было стоять. Ноги отекали. И меня послали за дулами этими на склад. А кладовщик говорит: «Залезь наверх и там достанешь из этого ящика верхнего, значит, эти дула» Я залезла по этим ящикам. И как-то получилось так, что я соскользнула и своей тяжестью — у меня, в общем, об угол ящика я проехала ногой и у меня оторвалась мышца внутри от кости. Но кожа не лопнула и вот такая шишка была. Я не поняла сначала. Потом, когда дошло, что у меня уж, стала лепить. В общем, слепил их одинаковые две ноги. Потом у меня целых полгода была синяя нога, потому что там кровь затекла вся. Тогда мне только дали стул, чтоб я уже штамповала вот это вот. Ну, и так вот мы. Я проработала до сорок пятого года. Пришли американцы и освободили нас. Приехала я домой — мне давали девяносто лет. Мне сейчас восемьдесят, тогда я была вообще трясущаяся, старая, грязная, больная. Потому что нас по дороге ещё и отравили, когда мы ехали домой. Мы там ещё были. Нас отвезли сначала американцы в лагерь под Дрезден. Я сейчас не помню его номер, там где-то у меня в документах есть номер. Мы там пробыли три месяца — май, июнь, июль, август. А в сентябре я уже домой приехала. Вот, и там нас проверка была. Проверяли КГБ, потом медицина. И в этом лагере мы пробыли три месяца. Потом тоже, ну, товарным поездом домой приехали.

Интервьюер: Я хочу--

Респондент: бабушку расстреляли.

Интервьюер: Вот я — давайте тогда начнём с бабушки. Когда Вы оказались, когда Вы жили с бабушкой? Я до того момента, когда она кричала Вам «Зыкова! Зыкова!», Вы были с бабушкой?

Респондент: Да, я была с бабушкой.

Интервьюер: С бабушкой, да?

Респондент: да. Мамы не было так. Мама была--

Интервьюер: это было тогда, когда Вы... вот после этого Радзиковского? После, когда... Когда Вы вернулись домой? Вот после гетто Вы бежали.

Респондент: После гетто?

Интервьюер: да. Вы бежали из гетто?

Респондент: да.

Интервьюер: дальше где Вы были?

Респондент: Дома. В этой--

Интервьюер: сразу домой прибежали?

Респондент: Я прибежала сразу.

Интервьюер: И прятались?

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Респондент: Пряталась.

Интервьюер: Вы были это здесь у бабушки?

Респондент: да.

Интервьюер: да?

Респондент: да.

Интервьюер: когда Вы боялись?

Респондент: в подвале, да. да.

Интервьюер: Сколько времени это длилось?

Респондент: Ну, длилось вот, пока не поймали меня уже.

Интервьюер: Ну, сколько?

Респондент: Ну, вот это я была в сорок первом году в гетто, а в сорок втором году в августе месяце меня забрали в Германию.

Интервьюер: То есть, примерно, ну, не год.

Респондент: Ну, почти год.

Интервьюер: Без четверти год, наверное, да?

Респондент: Почти год.

Интервьюер: Скажите, бабушка прибежала, когда Вас забрали?

Респондент: да.

Интервьюер: и кричала «Зыкова! Зыкова!»?

Респондент: Кричала, что «Ты — Зыкова! Запомни, что ты Зыкова!»

Интервьюер: Что она имела в виду? То, чтоб--

Респондент: Чтоб я была не Геленштейн.

Интервьюер: Что Вы русская мама, да?

Респондент: да.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Интервьюер: А Геленштейн — это фамилия, Вы сказали, отец?

Респондент: Отец.

Интервьюер: Это отец Ваш?

Респондент: Это отец. Абрам Исаакович.

Интервьюер: Понятно. Понятно. Я просто подумал, что может быть это отчим.

Респондент: Да, это отчим.

Интервьюер: А, отчим это?

Респондент: да.

Интервьюер: да?

Респондент: да. Он меня — я говорю, когда мне было полтора года, уже мама, значит.

Интервьюер: Ага.

Респондент: ну, мы поехали в Магадан. А заре--, как говорится, не могли меня тогда на него зарегистрировать, потому что без моего согласия не имели права. Что я Геленштейн должна быть, Абрамовна, еврейка, и всё такое.

Интервьюер: Понимаю.

Респондент: Пока не получу паспорт. А вот когда я паспорт получала, папа хотел сам поехать получить. Но ему сказали «нет, она должна сама»

Интервьюер: папой Вы называете отчима?

Респондент: Папой.

Интервьюер: Папой Вы называете отчима?

Респондент: да, да, да.

Интервьюер: А Ваш настоящий отец, он русский?

Респондент: Русский.

Интервьюер: Русский, да? Я хочу о других вещах поговорить. То, что Вы сказали про фабрику, скажем, или вот такие вот подробности. Вот эта селекция, которую проводили, как Вы говорите, две полячки, когда вас разделяли.

Респондент: А да.
The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Интервьюер: Где это происходило?

Респондент: В Перемышле.

Интервьюер: В Перемышле?

Респондент: да.

Интервьюер: другой вопрос немножко, так сказать, в другой части. На фабрике, когда вы находились — ну, Вы рассказали уже, как Вас наказывали, и какие там были — Вы ещё наблюдали подобные случаи, когда над кем-то другим издевались, или кого-то наказывали?

Респондент: У нашего на фабрике не было этого.

Интервьюер: Нет?

Респондент: Нет. На фабрике у нас, на швейной фабрике, такого не было. У нас этот Курт Рыльк, который мастер швейных дел, он был под полком у гестапо.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Потому что его брат, как только началась война, он перешёл на нашу сторону сюда.

Интервьюер: А-а, понятно.

Респондент: И он у них был как бы на примете. Поэтому он, а он к нам благотворительно относился.

Интервьюер: А вот когда Вы говорите, что вас кормили этими котлетами с фарша, где были человеческие кости, откуда Вы это знаете?

Респондент: Вот эти галеты?

Интервьюер: Галеты, галеты.

Респондент: Знаю. Мы ели — мы не знали, что это. А когда американцы пришли--

Интервьюер: это они вам сказали?

Респондент: Это они нам сказали.

Интервьюер: А-а, я думал, что, может, вы увидели, как их готовили.

Респондент: Нет, нет.

Интервьюер: Нет?

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Респондент: Нет. Это американцы сказали.

Интервьюер: Ну, и теперь другая совсем часть. Я возвращаюсь к самому началу.

Респондент: Ага.

Интервьюер: К городу, к оккупации. К началу оккупации. Видели ли Вы, помимо страданий евреев в гетто, другие какие-то формы казни гражданского населения? Не важно — евреев, не евреев?

Респондент: У нас каждый день. Каждый день, каждое утро на площади напротив театра — там, ну, как в городе, везде деревья.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Каждое утро новые висели ребята молодые. Повешенные.

Интервьюер: Прямо на деревьях?

Респондент: да. И каждый день новые. И каждый раз огромный рупор сообщал — столько-то лет, так-то зовут, партизан, там что-то он сделал, где-то немцев убил или что-нибудь такое.

Интервьюер: Ага, ага.

Респондент: Каждое утро новые висели.

Интервьюер: Что значит «рупор»?

Респондент: Но снимать не разрешали.

Интервьюер: Что такое «рупор сообщал»? Это приезжала машина с громкоговорителем?

Респондент: Нет, подвешено. Знаете, раньше большие вот эти.

Интервьюер: А-а. Да, да, я помню. Раструбы такие.

Респондент: Да, как радио такие большие.

Интервьюер: Да, да, да, да.

Респондент: Вот такое вот. Напротив театра.

Интервьюер: Рупора они назывались.

Респондент: да.

Интервьюер: да.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Респондент: это было.

Интервьюер: Ну, самого процесса повешенья Вы видели?

Респондент: Видела.

Интервьюер: Видели?

Респондент: Видела.

Интервьюер: Пожалуйста, расскажите.

Респондент: То же самое вот на этом вот, когда на этих же деревьях. Там кого-то поймают и, чтоб кому-то было неповадно, демонстративно вешали прямо при всех людях. Собирались у нас, ну, мы ж везде были. Как дети собираемся, а взрослые — крик, плач. И не подпускали. Когда вешали, не подпускали никаких родственников.

Интервьюер: Вы говорите «крик, плач» - это что?

Респондент: Ну, с родственников кого-то.

Интервьюер: Взрослые, которые видели?

Респондент: Ну, конечно. Родственников кого-то из этих.

Интервьюер: А, родственники там были, да?

Респондент: Ну, да. И снимать не разрешали, и близко не подпускали. Это демонстративно было летом.

Интервьюер: А Вы находились на каком расстоянии от?

Респондент: Ну, как?! Ну, ну, ну, вот на расстоянии вот, где дверь. Вот так вот, приблизительно.

Интервьюер: То есть, метров--

Респондент: ну, метров десять, пятнадцать. Потому что полицаи близко не подпускали.

Интервьюер: Понятно. Ну, хорошо. Спасибо Вам.

Респондент: Не за что.

Интервьюер: За эти воспоминания.

Респондент: Пожалуйста.

Интервьюер: Вы говорили о младенцах из роддома, о новорожденных, которых грузили на

машину, путь ли не кавдрова. Вы видели, как их грузили?

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Респондент: Да. Я видела, как их грузили.

Интервьюер: Кто это?

Респондент: Ко мне прибежал один мальчик по-соседски и говорит: «пойдём. Посмотришь, как немцы бросают детей из роддома»

Интервьюер: так.

Респондент: А там женщины были, кричали. И их отталкивали и полицаи помогали. А немцы — это уже сами немцы забирали грудных. Несли вот так вот эти, как пленницы, и швыряли в грузовую машину. Набросали и увезли. Вот это я сама видела.

Интервьюер: Понятно. Куда увезли? Что с ними было дальше?

Респондент: Увезли в сторону Белой Церкви. За Умань куда-то.

Интервьюер: Дальнейшую судьбу--

Респондент: по улице Артёма.

Интервьюер: Дальнейшую судьбу Вы не знаете?

Респондент: Нет. Только я знаю, что их — мне потом ска(зали), ну, там разговор-то пошёл — что их прямо сбрасывали. Там рядом жившие люди, живущие, говорят, что было страшное зрелище. В яму просто сбросили и закапывали.

Интервьюер: Второй эпизод, который меня заинтересовал очень — Вы говорили об ужасах внутри гетто и про изнасилования.

Респондент: да.

Интервьюер: вы видели эти изнасилования?

Респондент: Видела сама.

Интервьюер: Вы можете какие-то подробности сказать об этом? Кто это были? Кто насиловал? Кто были жертвы?

Респондент: Ну, девушки. Девушки. Симпатичные девушки. Это самые, полицаи пьяные вытаскивали из этого барака какую-нибудь девушку. Ну, что — прямо на землю заваливали.

Интервьюер: На Ваших глазах?

Респондент: На на(ших), на, на, на глазах всех нас.

Интервьюер: А кроме изнасилований там были такого рода жестокости, как избивения?

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Респондент: да. я говорю старика этого прямо убил. Прямо поставил на колени: «Извиняйся» А он: «За что я должен извиняться?» «За то, что ты жид» и он его стал избивать. Всё равно, говорит, на уничтожение. Вытаскивали сколько раз вот девушек, которые отказываются.

Интервьюер: да.

Респондент: тоже прямо палками били. У них какие-то, не знаю, какие-то с резинкой. С резиной были какие-то палки. Избивали. Калеками прямо делали. Это я сама видела.

Интервьюер: Тоже видели сами, да? Вы говорили об этом случае, когда немец пристрелил еврея, из под которого две женщины вытаскивали. Откуда Вы знаете, что это был еврей?

Респондент: Он кричал «Жид!»

Интервьюер: ага.

Респондент: Жид!

Интервьюер: А Вы этого человека знали?

Респондент: Я этого человека не знала, но я знаю, что там семья евреев жила. Но там, кроме этого старика, никого уже не было.

Интервьюер: И теперь эпизод с подвалом. Вот Вы сказали, что они туда газ пустили?

Респондент: да.

Интервьюер: вот там, где они издевались над тётей.

Респондент: дом пионеров.

Интервьюер: Во-первых, я хотел бы знать, что это за полицаи были, которые её там пытались разрывать, издевались?

Респондент: Ну, я их не знаю.

Интервьюер: Кто они такие были по национальности?

Респондент: Украинцы.

Интервьюер: Оба?

Респондент: Оба. Они на украинском языке разговаривали между собой.

Интервьюер: И, а Вы сказали, что туда газ пустили. Откуда Вы знаете, что там был газ? Это же не на Ваших глазах? Или на Ваших глазах?

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Респондент: Нет, это не на моих глазах, но они говорят, что «мало газа дали». Я слышала.

Интервьюер: А, это Вы слышали?

Респондент: Это я сама слышала.

Интервьюер: Это полицаи говорили?

Респондент: Я вам ещё другое могу сказать. В этом же подвале, из этого подвала мать мальчика трёхлетнего вытолкала в маленькое окошко, которое--

Интервьюер: ага, ага.

Респондент: В полуподвальном помещении. Вытолкала. Этот мальчик — я не знаю, где он был — когда я была в Умани и там была председатель общины, пришёл как раз этот мужчина, который был когда-то мальчиком.

Интервьюер: И он Вам что-то сказал?

Респондент: И мы с ним разговаривали тогда.

Интервьюер: Он тоже говорил про газ?

Респондент: Да!

Интервьюер: да?

Респондент: да. Мать выбила вот это стекло и его вытолкала туда. И это как раз, когда я была у председателя этой общины, и как раз он пришёл.

Интервьюер: А не говорили ли они, что значит, в какой форме? Что значит, пустили газ? Нет? Подробностей не было, да? Спасибо.

Респондент: Пожалуйста.

Интервьюер: Спасибо Вам.